

осанка и отменные манеры д'Алегра, говорившие о знатном происхождении и хорошем воспитании, равно как его платье и уважение, которое оказывал ему сеньор Гонзага, отличали его перед всем обществом (находившим довольно странной ту поспешность, с какою он, нарушив местные обычаи и, паче того, рассердив ревнивого принца, подошел к инфанте), – все же очарование его прекрасной юности внушало приязнь каждому и настолько пленяло любое сердце, что зависть волей-неволей должна была склонять голову.

Весьма весело проведя эту часть дня, маркиза стала просить брата и сеньора д'Алегра ехать в Мантую вместе с ней. Те охотно согласились, движимые разными чувствами: мессеру Гонзага хотелось, чтобы пленнику было о чем рассказать во Франции, а д'Алегру – продолжить успешно начатую беседу. И когда они пустились в путь, Амур, не покидавший очей прекрасной Кларинды, ранил нежное сердце ее нового подданного так глубоко, что исцелила эту рану только смерть, о чем вам и предстоит узнать. Но хотя бедный влюбленный имел множество собратьев по несчастью (ибо сраженным любовью к этой красавице не было числа), он обрел право утешить себя тем, что никто не разделил его славы: только ему, самому счастливому и удачливому, довелось нанести ей ответный удар.

И если удар, потрясший грудь рыцаря, был сокрушителен и опасен, то не осталась невредимой и юная принцесса; обходительность нежданно встреченного ею д'Алегра поразила ее столь глубоко, что она поневоле начала понимать, что такое любовь. Внимательно отмечая про себя несметные достоинства и доблести этого французского дворянина и тайно их сравнивая, она не знала, чем больше восхищаться, – однако ясно видела, что нельзя помыслить более высокую степень человеческого совершенства. И, не имея сил утаить благосклонность, выражавшуюся на ее лице (которое, к счастью д'Алегра, не было закрыто), она, хотя не сказала и слова, внушила ему смелость поведать ей о начинающемся недуге, чтобы исцелить его скорым врачеванием. Тогда, влекомый надеждой на снисхождение, которое сулила ему эта нежная красота (причина его мук и вместе с тем единственный источник возможного избавления от них), он, ободряясь красноречивым ее взором, придававшим ему некоторую уверенность, расторг узы, коими связала его язык робость, враждебная всякому успеху, и, глубоко вздохнув, сказал:

– Ах, сударыня, где мне найти слова, чтобы должным образом возжаловаться на мою жестокую судьбу! Мало ей было разлучить меня со всеми родственниками и друзьями, не оставив никакой возможности узнать, чем кончилась для них грозная битва, в которой едва ли могли они спастись (ведь там пали все лучшие бойцы); мало и того, что сам я, раненый, был увезен на чужбину человеком, искавшим моей гибели: сегодня, решив добить несчастного, она лишила меня последней надежды на счастливое освобождение, которое могло бы возместить мои утраты. Ибо вот уже несколько часов, как она без всякой жалости отдала меня в рабство вашей блистательной красоте, и, до сих пор быв пленником лишь телесно, я отныне пленен не только телом, но и душой, причем плен этот так крепок, что я уже не жду избавления и готов довольствоваться той свободой, какую ваше нежное сердце почтет за благо мне всемилостивейше даровать. Я настолько зачарован вами (простите мою откровенность), что, как человек, которого перед отсечением большого члена усыпили мандрагорой,<sup>489</sup> вовсе не ощущаю страданий; напротив, в бедствии моем нахожу я высшую отраду, и мне кажется, в этом мире нет более высокого наслаждения, чем моя мука, нет свободы восхитительнее, чем суровое заточение под надзором моей прекрасной стражницы, и нет в жизни удовольствия, сравнимого с тем счастьем и блаженством, какие провижу я в гибели, уготованной мне любовным служением.

С этими словами он устремил на принцессу столь жалобный взор, что, утратив дар речи, она не могла молвить и слова, как те, у кого от неожиданности перехватывает дух. И, не имея сил отвечать, пылкая инфанта нежно сжала его руку, вполне ясно выразив этим немым языком, каким смятением объята ее душа. Тогда влюбленный, снискавший первую милость, ощутил в боках шпоры и, переведя воспаленное страстью дыхание, продолжил свою речь:

– О боже, сколь диковинный случай – и неожиданный, и благоприятный – привел охотника (кому предугазано ловить) в такое место, где он сам был пойман прекрасными сетями, расставленными могущественной охотницей, которая своей божественной властью заставила меня упо-

<sup>489</sup> *Мандрагора* – таинственное растение, якобы обладавшее различными замечательными свойствами (оно считалось надежным приворотным зельем, усыпляющим средством и т. п.).